

Имя автора конкурсной подборки будет оглашено в Итоговом протоколе Международного литературного конкурса "9-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2020" 6 июня 2020 года в 23:59 по Москве.

Оборотень

Оборотень-перевертыш, дурная кровь,
Ходит неузнанным, часто меняет роли:
Люди, медведи, собаки, козлы и тролли...
Вечером встретит, а ночью сожрет любовь.

Утром проснется веселый и озорной.
Кофе. Зарядка. Остатки любви — на свалку.
Всё перемелется, будет мука. Не жалко
Каждое в пыль перемолотое зерно.

Утро продолжит безоблачный летний день,
Яркое солнце рождает густые тени.
Пчёлы и бабочки выются вокруг растений,
А перевертыш выгуливает людей.

Девушка смотрит доверчиво – стоп, игра!
Зло на доверии — зло абсолютной власти,
Прячется и до поры не откроет пасти.
Если открылась пасть, значит всё. Пора.

Он устает. Превращаться – тяжелый груз.
Третью неделю – то выдра, то лев, то кобра.
Нужен настрой, притягательный хищный образ,
Скоро объявит премьеру столичный ТЮЗ.

Дети придут, заполняя просторный зал,
Сядет худрук на одно из центральных кресел.
Оборотень – тот, что в пьесе — неинтересен.
Будут расчет и дорога домой, в Рязань.

Это обидно и даже позорно, но
Оборотню и в Рязани найдутся роли.
Всё перемелется, будет мука. А в поле
Снова созреет упитанное зерно.

Сон

Веселый дождь скакал на теплых крышах,
Устал и покатился на закат.
Смотрел со стенда строгий мокрый Гришин.
Я прятал взгляд, хотя не виноват.

Ждал поезда на Киевском вокзале.
Считал ворон, читал газету "Труд".
И тут из репродуктора сказали:
Мужайтесь. В понедельник все умрут.

Летит на нас космическое Что-то.
Погибнут и Москва, и Барнаул.
Сегодня постарайтесь отработать,
А дальше, как хотите. Караул!

Воронье "Каррр!" метнулось диким эхом.
Растаяло. Нависла тишина.
Погасли лампы. Поезд не приехал.
Пришлось идти домой. А там жена

Соседу исполняет а капелла
Вступление из "Алых парусов".
Любашенька всегда чудесно пела.
Но почему же оба без трусов?

Они мне объясняли, что сопрано
Стеснённо и томительно в трусах.
Я взял топор и выгнал меломанов.
Я плохо разбираюсь в голосах.

Мне было худо – маятно и зябко,
Налил и съел остывший рыбный суп –
Голодная, никчемная козявка
В дремучем человеческом лесу.

Поел, прилег и в сон нырнул Ионой.
Скользил по рельсам поезд – синий кит,
А в нем уют купейного вагона:
Качался пол, мелькали огоньки,

Скрипели полки, ложечки звенели,
Приотпускал скрутивший нервы шок.
Я жив-здоров, а гибель в понедельник –
Пожалуй, это даже хорошо.

Не надо суетиться, торопиться,
Царапать дверь обиженным котом.
Внезапно пробудилось любопытство:
Что будем там, когда уже, потом?

И тут явились хмурые такие:
"Мужчина, выходите из купе.
Мужчина, вам не можно ехать в Киев.
Не любы. Не желанны", – и т.п.

Тащили в ночь, грозили автоматом.
Я их просил держать себя в руках.
Они ругались, может, даже матом.
Я плохо разбираюсь в языках.

Под насыпью чернел лохматый ельник.
Затвор негромко клацнул, как засов.
Умру и не увижу понедельник...
Но погодите, это только сон:

Угрюмые нахрапистые люди –
Безумный отблеск прожитого дня.
Проснусь, они исчезнут, их не будет!
Но вспышки ярко-желтого огня

И звук тах-тах, и скачущие гильзы,

Удары в грудь, соленый вкус во рту.
Мир постоял, качнулся и скатился
В колючую тугую черноту.

Открыл глаза – увидел синий поезд.
Он ждал, манил. Но я в него не сел.
Остыну, погуляю, успокоюсь.
Зайду к соседу. Как он там, сосед?

Сказать ему, что знаю о сопрано
И попросить не путать берега?
В закатном небе плыли два барана,
Сцепившие тяжелые рога.

В кабине телефонной пахло щами.
Рычаг негромко клацнул, как засов.
– Родная, не уехал, возвращаюсь!
Соскучился без "Алых парусов".

Я шел домой до улицы Заречной.
Умытая, нарядная Москва
Закуталась в прозрачный мягкий вечер,
Украшив фонарями рукава,

Но выдавали в ней провинциалку
Смешные башмаки бетонных плит.
Цвела весна. Теперь мне было жалко,
Что к нам так разрушительно летит

Посланец галактического мира,
Влюбленный здоровяк-метеорит.
Шуршит в помехах радиоэфира,
Он слов любви Земле не говорит,

Но страсть его – космически большая,
Ей не помеха люди-муравьи.
И только то немного утешает,
Что мы умрем, сгорая от любви.

И на пороге той, иной вселенной,
Готовясь превратиться в серый дым,
Забудем все обиды и измены...

А может, не забудем. Не простим.
Запустим толстопузые ракеты –
Прощальный поцелуй? последний бой?

Я гладил по траве свою планету
И говорил: "Не бойся, я с тобой".

Мозаика

Апрель. Пробудилась Москва весенняя,
Березовый сок побежал по жилам.
Любимым звоним и читаем Есенина.
Смерть ухмыляется: живы... живы!

Выше колен балахон обрезает,
Пудрит-помадит лицо безносое.
"Для кого? Кто этот милый зайнька?" –
Коса кривится, как знак вопроса.

Она останется наверху, в дежурке,
А Смерть спускается в склеп-темницу.
Володя обожает прятки и жмурки –
Темно, как у... Надо не оступиться.

Вечно живой иронично щурится,
Ход мыслей титана примерно таков:
Девушка в темнице. Коса на улице.
Смерть – это морковь!

Сложились кусочки весенней мозаики.
Пока карантинит московский народ,
Нашли друг друга морковь и зайнька.
Сегодня, возможно, никто не умрет.

Конкурсная подборка 207. «Кровь, любовь, морковь»

Автор: Оргкомитет
11.04.2020 21:00

